

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIX

Buenos Aires, martes 14 de Junio de 1977

Буэнос Айрес, вторник 14 июня 1977 г.

№ 1424

Ген. ХОЛЬМСТОН

СОВЕТСКИЙ ПЛАН ЗАХВАТА ЕВРОПЫ

ПО ДОКУМЕНТАМ КИТАЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

«Народы белой расы, оберегайте ваши священные права» почти три четверти века тому назад, сказал, германский Император Вильгельм Второй, когда по несбывшим просторам Китая прокатилась волна боксерского восстания. Эти слова были пророческими. Европа забыла эту «заповедь» и теперь скатилась в бездну экономических кризисов капиталистического мира, или в ад политическо-социального рабства. Время классической дипломатии, как и время классических войн — отошло в область исторических преданий. Мы живем в эпоху планетарной революции. Это надо понять. Революция насквозь прошла через все наши понятия и формы жизни и, конечно, глубоко революционизировала, как способы ведения политики, так и войны.

Современная политика «цивилизованных» наций, под давлением интересов высоких финансов, промышленности, или торговли, а часто просто чайный «клубов» забывает, что основным законом каждой политики, является политика двух решающих факторов: законов истории и гео-политического положения. Расы и нации не «висят в воздухе» и не живут в «абстрактном времени». Их жизнь «закреплена» на точно определенном географическом пространстве и течет во времени данных исторических процессов.

Кардинальной ошибкой политики демократических государств является политика преследующая цели сегодняшнего дня. Политика, желающая избежать несправимых ошибок, должна трассировать свою работу, не менее как на одно поколение вперед, сочетая ситуацию сегодняшнего дня с географическим положением расы или нации, с их историческим динамизмом, стремлениями и идеалами. Переживаемая нами историческая эпоха, несмотря на всю кровь и скорбь двух уже минувших кампаний, неудержимо стремится, вопреки логике здравого мышления, перейти из «холодного» столкновения двух миров идеологического и экономическо-социального, в открытый огневой конфликт, могущий потрясти все основы нашей планеты.

И вот почему докладная записка разведывательного отдела китайского генштаба представляет большой интерес не только для профессиональных солдат, но и для широкого общественно-го мнения.

В мае этого года, в городе Гонгконг, вышеуказанная записка попала в руки английского «Интеллидженс», возможно, что была просто «подброшена» по тем или иным соображениям, заинтересованными кругами. Докладная записка повидимому составлена на основании полученных разведкой сведений и она широко анализирует советский военно-политический стратегический план захвата в грандиозных масштабах мировой, политической власти и коммунизирования нашей планеты.

Несколько слов о китайском генштабе. Современный китайский Генеральный Штаб был фундаментально реорганизован после Первой мировой войны германской военной миссией во главе с генералом фон Зеектом. Фон Зеект, один из талантливых офицеров немецкого Генерального Штаба, был главным организатором, а впоследствии командующим германскими вооруженными силами — Рейхсвэра.

Китайский генштаб, анализируя стратегическую идею плана, останавливается на многих отдельных оперативных концепциях, которые, конечно, невозможно рассмотреть в газетной статье и вот почему, идя за идеей стратегического мышления, я задержу внимание уважаемого читателя на анализе только той оперативной акции и тактического удара, которые относятся в стратегическом плане к захвату Европы, без применения классической или атомной, огневой кампании.

Советы считают, что Америка в борьбе против продвижения мирового коммунизма, строит «треугольник» капиталистического сопротивления.

Северная Америка — Западная Европа — Япония. Одновременно ведут работу по нейтрализации Китая — Ближнего Востока и Южной Америки. Советы в принципе, конечно, хотят избежать Третьей мировой. Усиленно готовясь к таковой, они ясно отдают себе отчет, какой риск биологического и политического характера они возьмут на себя, если раздуты пламя мирового пожара. Атомный поединок между вооруженными силами НАТО и Варшавским Пактом, сможет легко выйти из под контроля аппаратов техники и человеческих сил и сделаться началом конца нашей грешной планеты.

Желая избежать вышеозначенный риск советская верховная политика предполагает, что ведя политику «разрядки», морального разложения, психологической пропаганды и саботажа всех принимаемых мер как политического, так и социального характера капиталистического противника, они при одновременном усиленном вооружении создают ту грандиозную базу давления, которая и без огневой кампании, «мирным» путем приведет их к захвату мировой власти, к распространению коммунистической идеологии в планетарном масштабе.

Советы считают, что коммунистический Китай является их главным гео-политическим и идеологическим противником, загораживающим им политически дорогу к дальнейшему продвижению и закреплению их центральной власти. Но стратегический план «продвижения» откладывает оперативную схватку на Дальнем Востоке. Откладывает на «сегодняшнем» отрезке исторического времени. Дальний Восток — это последующая оперативная задача советского стратегического плана. Первоначальной оперативной целью плана, является разбить стратегический «треугольник» капиталистического сопротивления, тактическим ключом которого Советы считают Западную Европу. Западная Европа, стремится к полному политическому объединению и это считается Советами смертельной угрозой, грозящей разрушить консолидацию Варшавского Пакта. А потому, захват Западной Европы и подчинения ее своему полному политическому влиянию, в характере расширенной Финляндии, включения ее постепенно впоследствии в цепь государств сателлитов, является главной, тактической задачей советской политики на европейском театре действий.

Одновременно с прямым тактическим ударом по Западной Европе, идет глубокий оперативный охват как фланга, так и тыла европейского «плацдарма». Идет

оперативное, политическое проникновение в Африку и коммунизирование ее молодых государственных образований. Но к этому вопросу мы вернемся несколько ниже, сейчас рассмотрим тактику захвата Западной Европы.

Она разворачивается широким веером всевозможных давлений: прежде всего четкая работа советской дипломатии — на дальнбойный прицел. Прекрасно организованная психологическая пропаганда. Саботаж всех мер и распоряжений капиталистических правительств и частных предприятий и организаций. Блестящий шпионаж. Финансирование через «пятую колонну» т. е. местную коммунистическую партию непрерывной цепи: манифестаций, стачек и забастовок. И не на последнем месте — «развесистая клюква» т. е. игра на чисто капиталистическом эгоизме. Соблазн — грандиозных, прибыльных промышленно-торговых сделок. По «завету» Ленина, что «капиталисты и веревку продадут, на которой потом мы их же будем вешать». Советы разворачивают перед капиталистическим миром широкие планы торгово-промышленного сотрудничества, с большой прибылью и возможностью на будущее, при одном только условии, уделения им долгосрочных кредитов. И за эти долгосрочные кредиты покупают на гнилом Западе недостающую им технику, машины, аппараты и технологическое умение — «как и что». Эти кредиты, с американской поставкой полударового хлеба и помсгают Советам и их коммунистическим спутникам разрешать целый ряд экономических кризисов, а за одновременно освобожденные капиталы на внутреннем рынке Советы финансируют и усовершенствуют технологию своего вооружения. Последний рапорт Пентагона в сенатскую комиссию, указывает, что в деле изыскания новых видов оружия, могущего потрясти земное равновесие, Советы значительно опередили американцев.

И здесь, во всем своем трагизме встает принципиальный вопрос? Как можно, в цепи непрерывных «перебоев» капиталистической экономики, среди растущей безработицы и среди непрерывной подрывной агитации, стачек, забастовок, столкновений с полицией и войсками, под постоянной угрозой террористических актов, репрессий и контррепрессий и при наличии в государствах четко организованной пятой колонны т. е. легальной коммунистической партии, скванной дисциплиной и подчиненной одной центральной воле, воле, опирающейся на колоссальные возможности как финансового, так и военно-промышленного характера, как можно при таких обстоятельствах серьезно думать о политическом объединении Европы? Мечтать об эволюционном развитии экономики, политическом равновесии и о социальной справедливости? Мечтать о блаженном мире и об историческом «переходе» Европы Национальных Государств в — Европу Объединенных Федераций. Ведь вся вышеуказанная тактика коммунистического наступления не допустит до завершения желаемого исторического процесса.

И действительно, сделаем краткий, но реальный обзор сегодняшнего политического облика Западной Европы. Держится сравнительно крепко Западная Германия. И это все, — если считать «боль-

шие» европейские державы. Трещит по всем швам и извизается в непрерывных судорогах экономическо-финансовых и политическо-социальных кризисов, некогда богатая и могущественная Великобританская Империя. Франция и Италия не выходят из цепи вышеуказанных кризисов, которые перманентно вошли в жизнь этих наций. Эти кризисы иногда переходят в почти открытые революции. За легально существующие коммунистические партии, постоянно голосует от 25 до 35 процентов населения. Португалия, недавно освобожденная от национальной диктатуры, дышет на «ладан» и без финансовой помощи Америки и Западной Германии давно бы погрузилась в политическо-социальный хаос. Королевская Испания, после смерти диктатора Франко, медленно, но верно скользит на левое крыло и трудно сейчас предсказать чем кончится эта королевская попытка демократизации страны. Есть, конечно, острова сравнительного благополучия. Швейцария и Скандинавия. Но даже маленькая Голландия вызывает тревогу за свою судьбу.

Итак — печальная политическая картина и выражаясь военным языком, совершенно неподходящая обстановка для «исходного положения» предполагаемой исторической акции.

Перейдем теперь к разбору оперативного обхода фланга и выхода в тыл Западной Европы, который вместе с вышеприведенным тактическим ударом, отдадут в руки Третьего Интернационала, мирным путем, без одного выступления судьбу Западной Европы.

Африка является главным источником сырья для промышленности Западной Европы. В зависимости от добываемого металла от 65 до 80 процентов руды плывет в Западную Европу и питает ее как металлообрабатывающую, так и химическую промышленность. Отрезать ее от этого богатейшего на свете источника сырья и одновременно перерезать пути сообщения Западной Европы с ее поставщиками нефти т. е. пересечь морские коммуникационные линии, идущие из арабских стран вдоль берегов африканского материка, это значит остановить западно-европейскую промышленность и торговлю. И вполне понятно, что это является главной целью советского оперативного, политического продвижения в этой части света.

Поставив твердо ногу на материке, в частности в Анголе и Мозамбике, при помощи своего сателлита, т. е. экспедиционного кубинского корпуса, Советы распространяют свое политическое влияние в соседних республиках. Оккупация ими Тансани и Самбни, позволит затянуть железный пояс вокруг «белой» Родезии и этим, окончательно отрезать Южную Африку от всего остального африканского материка.

Падение Южной Африки было бы блестящим завершением африканской операции. Это позволило бы вооруженным силам Варшавского Пакта выйти в стратегический тыл НАТО, прервать все пути сообщения Европы как с Северной, так и Южной Америкой. Советским морским и воздушным силам, опирающимся на сеть баз африканского материка, не надо было бы и стрелять. Политический нажим на африканских сателлитов, оставил бы весь «поток» нефти и сырья, идущий как из Африки, так и вдоль ее

РОМАН ГУЛЬ

ПРОГУЛКИ ХАМА С ПУШКИНЫМ

«И увидел Хам наготу отца своего, и вышел рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положивши ее на плечи свои, пошли задом и прикрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего».

(«Бытие», гл. 9, ст. 22, 23).

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

(Пушкин)

«Всечеловечество» у Пушкина было эстетическим созерцанием».

(Д. Мережковский, «Грядущий хам»).

Прежде всего я хочу успокоить хорошо воспитанных, чувствительных и нервных. Термин хам я не употребляю в ругательном смысле. Это было бы нестойно. Я употребляю его в библийском как цинизм человека и надругательство над тем, что в человеческом обще-

бсегов. И колеса европейской промышленности, без боя, постоянно замирая, терпя «воодушевление» и размах пришли бы к полному молчанию. Остановится западно-европейская промышленность и торговля. Остановится как следствие, динамика европейской техники, изысканий, материального благополучия и политическо-социального равновесия. Западная Европа морально и материально будет поставлена на колени.

Одновременно с тактическим наступлением, подрывающим жизнь Европы изнутри и оперативным окружением тыла, занимая постепенно африканский континент, коммунизм расширяет политическую базу в недрах самой Европы, переформирует пятую колонну, вводя новую форму коммунистической диалектики. Организуется с широким размахом новое политическое, коммунистическое движение. Движение — «еврокоммунизм». С помощью этого движения, коммунистической политика имеет надежду демократическим путем, путем парламентских демократических выборов, получить большинство и совершенно законно добиться суверенной власти. За историческим примером далеко ходить не приходится. В повсальной Германии, в 1933 году, партия национал-социалистов, при выборах в Рейхстаг получила большинство и президент республики генерал-фельдмаршал Гинденбург, был принужден передать власть канцлера в руки Адольфа Гитлера.

И что же будет делать в вышеуказанном случае Америка?

Вероятно как и Европа в 1933 году — ничего.

Трудно атомным огнем освободить мирно покоренную Европу.

Европу, промышленные колеса которой, снова пришли в движение. Пришли, ибо из скупированной коммунизмом Африки, снова начали в изобилии плыть нефть и необходимое сырье. Раньше надо было думать, а не спокойно приглядываться, как «добровольцы» Кастро «освободили» Анголу и Мозамбик.

И невольно приходится задать вопрос? Является ли вышеприведенный стратегический план коммунистической стратегии — подлинным? Или это только полет стратегической фантазии китайского Генерального Штаба? Во всяком случае, до сих пор в руках американской или европейской разведки вышеозначенный стратегический план не находится.

Однако, интересно отметить, что французский Генеральный Штаб до известной степени «проснулся». Французская политика, с помощью некоторых проевропейских арабских стран, спасла в последнюю минуту богатейшую провинцию африканской республики Заире, — Катанга от «катангских жандармов», идущих под командой офицеров и унтер-офицеров Варшавского Пакта, на «освобождение» своей собственной страны, от «чужеземного» ига своего законного президента — Мобуту.

Мое поколение видело в жизни много освобождений. Освобождений идеологически красивых и моральных. Видело национальные эгоизмы и корыстолюбие. Но таких «освобождений» в эпоху Второй мировой войны и после ее мы никому переживать не желаем.

Ген. ХОЛЬМСТОН

стве надругательству не подлежит, если общество не хочет превратиться в орангутанго стадо.

По-моему, в какой то глубине — в плане духовно интеллектуального разрушительства — в потребности предать надругательству наши традиции и святыни, Абрам Терц — сохраняя все пропущенное — несет в себе ту же заразу, что и Д. И. Писарев. Заразу духовно интеллектуального Ивана Непомнящего, босняка, беспартийника, одним из отцов чего был у нас не совсем уравновешенный Д. И. Писарев.

Начиная разбор книги Терца, первую фразу я напишу в стиле Писарева. С позволения сказать, писатель Абрам Терц написал, с позволения сказать, книгу о Пушкине, озаглавив ее «Прогулки с Пушкиным». Установим прежде всего некий плагиат заглавия. Известно, что сто одиннадцать лет тому назад (1865) Писарев опубликовал свою печально-известную статью «Прогулка по садам российской словесности», сам сказав, что написал ее «в насмешливом и даже презрительном тоне».

Прогуливаясь по садам российской словесности Писарев говорит: «о Пушкине я буду писать только затем, чтобы образумить суевверных обожателей этого устарелого кумира... Идея Базарова я считаю полезным — поэтому и говорю о них с уважением; идея Пушкина я считаю бесполезным, — поэтому и говорю о них с пренебрежением». В своей с позволения сказать, книге о Пушкине Абрам Терц пишет: «да так ли уж велик ваш Пушкин (конечно, наш, а не ваш, Абрам Терц! Р. Г.) и чем в самом деле, он знаменит, за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес, про которые ничего не скажешь, кроме того, что они ловко сшиты?».

Разумеется, между Д. И. Писаревым и Абрамом Терцем — дистанция огромного размера. Писарев писатель образованный, куда более талантливый, и, главное, с иступленной верой в свои идеи, с нашей точки зрения духовно-вредные и, как показала история России, нанесшие сскупительный удар русской культуре и русскому искусству. Искусству Писарев был совершенно чужероден, это была не сфера его жизни. Но, к сожалению, писал именно об искусстве. Что же тут удивительного, если даже преподобный Ильич высказывался о литературе — архинепрекращаемо!

В противоположность Писареву Абрам Терц сопричастен литературе. Он пишет о ней. Но тут мы должны коснуться тревожной советской темы. Тема это — о советском хамстве, о советском охамлении и оживотнении человека.

В начале нашего рокового века Д. С. Мережковский написал известную статью — «Грядущий хам». За это предчувствие на него тогда резко напали: неверие в народ, в демократию, в революцию. Но вот сейчас, видя так называемый Советский Союз и его сателлиты, мы должны признать, что напророченный «грядущий хам» уже давно пришел, комфортно рассевшись в полумире. В дали истории Мережковский тогда разглядел то, чего другие не видели.

Правда, Мережковский (вслед за Герценом) связывал наше грядущее хамство с выходом на мировую арену «западного мещанства». «Мещанство победит и должно победить, — с грустью писал социал барин Герцен, — мещанство — окончательная форма западной цивилизации». Но если б это было так! При такой победе мир не стоял бы сейчас на краю пропасти. Увы, это была жестокая историческая aberrация Герцена. Грядущий хам нежданно-негаданно пришел с равнин, «не мещанской» в представлении Герцена, России. И если пришедший хам большевик еще не захватил мир целиком, то только благодаря сопротивлению «западного мещанства». На нем, на «молчаливом большинстве» так называемых, «мещан» еще слабо держится свобода и будет держаться пока обольщенные интеллектуалы, типа Сартра и Рассела, не предадут мир хаму. Умно и правильно писал о мещанстве Петр Струве обращаясь к русским революционерам: «учитесь у мудрого мещанства Европы». Он был прав. Но «учения» не последовало.

«Одного бойтесь — рабства, — говорит Мережковский в статье «Грядущий хам», — а худшего из всех рабств —

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПУШКИН - СИНЯВСКОМУ

«Потомки г-на Булгарина будут г. Булгарины, а не Булгаре».

А. С. Пушкин

Читая «Прогулки» Терца невольно думаешь: «Эх, будь Пушкин жив! Уж он бы нашел, что ответить!» — А он и ответил уже, предугадав заранее грядущее появление хулигана от литературы:

«Глупость осуждения не столь заметна, как глупость похвалы; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписывают разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец всхлищается романом Дюпре-Дюмениля или историей г. Полевого, и на него смотрит с презрением, хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего». — Не мешало бы поинтересоваться, кого хулит Абрам Терц (Пушкина, Гоголя, Чехова, Гумилева) и кого он хвалит?

В другом месте, поэт еще определеннее заклеймит Терца: «Враждебное чувство его, к нечю, извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности, но высказывать его неблагоприятно».

Оно и действительно так, sub specie aeternitatis. Но временные пользы и выгоды — и немалые! — из нелепых и скандальных оригинальничаний в области литературной критики извлечь можно. Да Пушкин и сам это хорошо сознавал: «Все имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свсбоды тиснения».

Есть у него и еще одно наблюдение, изумительно точно подходящее именно к приемам Синявского: «Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они нас даже и не смешат. Недавно, сравнивая Шекспира с Байроном, один из наших критиков считал по пальцам: где более мертвых?»

Обратим внимание и на такой пушкинский пассаж: «Однажды напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Литературной Газете, — человек подлый и безрассудный, и что такой-то журналист — человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому. Французский журналист стветил подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить». — Адресовано Булгарину; но и Терцу полезно ознакомиться.

Еще важнее письмо Пушкина Вячеславу, по поводу записок Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. Он мал, как мы, он мерзок, как мы. Врете, подлецы; он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе». — Настоячиво рекомен-

тельно хотел бы предпослать некое «введение в тему».

Не так давно со мной разговаривал советский эмигрант, третьей эмиграции. Он говорил примерно так: — «Вот вы тут пишете о неприятии большевизма, о необходимости его свержения и т. д. И правильно пишете. Все это точно, все это нужно. Но вы не знаете, что проблема ведь не только в освобождении от большевиков, как власти. Есть и другая, плотно сросшаяся с ним, проблема сплошной охамления всей страны, связанная к тому же, с диким, неописываемым всеобщим пьянством. Десятилетиями партийная шайка спавивает весь народ сверху — донизу. Этого хамства вы здесь не чувствуете и не знаете, что это за страшный социальный бич. Ведь чудовищное хамство в СССР проросло всю страну насквозь. И это может быть социальной культурной гибелью на века, а может быть и навеки. Вот, скажите, например, могли ли, скажем, Анна Павлова, Петр Аркадьевич Столыпин или Павел Николаевич Миллюков «крыть в быту матом»? Не могли? Нет? Я то же думаю. А у нас кроют все: и премьер-министр, и столп литературы Михаил Шолохов, и прима-балерина, и члены Союза Писателей, и академики, и московские шоферы, и блатные, и фабричные работницы, и домохозяйки. И этот мат вовсе не какая нибудь «экзотика», это язык советской жизни, язык быта, говорящий о градусе всеобщего оха-

II

Но вернемся к «Прогулкам с Пушкиным». Хотя разговору о них я предвари-

дую над этими словами призадуматься г-дам Синявскому и Некрасову, г-жам Гербаневской, Вишневской и Шаховской.

Не диво, что у новоявленного профессора Сорбонны больше поклонников в иностранном мире, чем в русском. Например, его коллега, профессор русской литературы в Амстердамском университете, Карл ван гет Реве, заявивший недавно (в интервью польскому журналу «Культура»): «Синявский совершенно по-новому вошел в пушкинологию».

Почтенный профессор плохо знает русскую литературу (да чего и ждать от иностранного специалиста!): ничего нового в построениях Синявского как раз и нет! Он перепевает Булгарина, — литератора беспринципного и бесчестного, но отнюдь не бездарного, — и его союзников, преимущественно сотрудников «Северной Пчелы». Поскольку их взгляды отвергнуты, отчасти и забыты, то и могут человеку мало сведующему представляться последним криком моды.

Не грех повторить и развивать идеи Булгарина; но почему Синявский не называет своего учителя?! (С которым у него, притом, повидимому не только в литературных вкусах, а и в характере имеется много общего). Вот ведь си и мингера ван гет Реве сбил с толку... Впрочем, тот и сам уже по себе прочно заблудился в безднах премудрости российской словесности, и порет чушь невероятную!

Пусть судит читатель: «В России к Пушкину отношение почти религиозное. Если бы кто нибудь решился сказать, что «Полтава», в конце концов, ужасно скучная поэма, или, что Пушкин был кол. лаборантом — его бы линчевали».

Полагаем, его бы скорее посадили в сумасшедший дом — и за дело. Скучной назвать эту поэму, кратко, трагическую, до предела динамичную, — трудно. Вообще же, к сведению г-на ван гет Реве, ее в свое время яростно ругали, помнится, за неправдоподобность, мелодраматизм, отступления от истории и т. д.

Что же до того, что бы Пушкин являлся коллаборантом, непонятно, что подразумевает амстердамский профессор (скорее всего он просто вовсе зарпортовался)?

Термин коллаборация (которым так безбоязненно злоупотребляли после Второй мировой войны!) обозначает сообщничество с оккупантами, сотрудничничество с враждебной иностранной державой или нацией. Пушкин не служил ни французам, ни полякам (вот Булгарин, тот — да). Если же голландский ученый ставит ему в вину сотрудничничество с Николаем I, то к тому есть некоторые основания; но служба своему законному монарху никак не может быть приравнена к коллаборации. — иначе мы вступаем на почву прямого безумия.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

мления. Но не страшно, если бы дело было только в языке. Но ведь в Сов. Союзе охамлены человеческие чувства и человеческие отношения. Хамство большевика, как серная кислота, десятилетиями проедало чувства чести, жалости, бескорыстия, благородства, искренности, честности, жертвенности, подлинной дружбы, настоящей любви. Всё охамлено. Вы скажете: — ну, а Солженицын, Сахаров, Шафаревич, Амальрик, Орлов, Буковский, Марченко, отец Дмитрий Дудко и многие другие? Правильно. И в этом нет ничего удивительного. Но общей картины это никак не меняет. Если в Содоме и Гоморре нашлось несколько праведников конечно, они есть и в России, даже в большом количестве. Но это же единицы, десятки, сотни, ну, тысячи, ну, скажем десять тысяч, пусть будет двадцать тысяч, сто, если хотите. Я же говорю о массе, о миллионах людей, о всей стране. И вот тут всеобщее охамление — явление совершенно страшное: духовно, душевно, культурно, политически, социально, всячески.

Советский эмигрант говорил мне это в Америке, но этим Америкой мне не открыл. Он говорил о явлении известном. Не упомянул он только о том, что хамство сопряжено рабству. Одно психологически питает другое. Недаром библейский Ной, прокляв потомство Хамова, сказал, что будет оно «рабом рабов». И «Прогулки с Пушкиным» — тому иллюстрация.

Характерно, что своим псевдонимом Снявский взял имя одесского босняка Абрашки Терца. В «Новом Журнале» публикуется повесть о московских диссидентах. Она правдива. Автор ее — женщина живущая в СССР, говорят, хорошо знала Снявского. И в его честь взяла тоже звучный псевдоним — Анна Терца. В повести, говорят, она выводит Снявского в образе художника Полушкина, а жену его Марью, как — Дарью, освободившую Полушкина из концлагеря. Снявского КГБ тоже освободил из лагеря и даже сделал его советским вольноотпущенником, с бессрочной подорожной выпустив за границу. «Прогулки с Пушкиным», как это ни странно, написаны в концлагере. Авторская пометка указывает: Дубровлаг, 1966-1968. За годы своего пребывания в концлагере Снявский написал там еще две книги — «Голос из хора» и «В тени Гоголя». «Прогулки» изобилуют многими цитатами и сносками на соответствующую литературу о Пушкине. Как и почему жеку Абраму Терцу удалось в концлагере всецело отдаваться литературному творчеству — мы не знаем. Но — факт, что удалось. Ни Солженицыну, ни Шаламову в концлагерях это не удавалось. Помилуйте, но то были страшные сталинские времена, а не милые брежневские, в которые некоторых неугодных писателей, как, например, поэта переводчика Петра Богатырева убили просто на улице — проломив череп и кончено. А талантливейшего Вл. Войновича пытались отравить в гостинице «Метрополь».

Это, конечно, чудесно, что в брежневских лагерях вместо «вкалыванья кубометров» лесоповала и всяческих «строек» зекки пишут поэзию и прозу. Но жаль, что ни Владимир Буковский, ни Валентин Мороз, ни множество других зекков ничем нас до сих пор не обрадуют из сотворенного ими в тюрьмах и концлагерях.

«Прогулки с Пушкиным» представляются не столько законченной работой, сколько каким то черновиком: и композиционно, и стилистически недоработанным, но в конце концов это и не суть важно. В этой, на мой взгляд, именно хамской (в библейском смысле, конечно!) книге примечательно не то что о Пушкине написал Абрам Терц, а как он пишет о Пушкине.

В смысле что Терц не сказал ровно ничего нового, или оригинального. О творчестве Пушкина существует грандиозная литература и в ней множество чудесных работ, ну, хотя бы «Поэтическое хозяйство Пушкина» Владислава Ходасевича. В своей книге Терц не отделяет личности от творчества Пушкина. Он пишет и о том, и о другом. Пишет о личности Пушкина. Терц, якобы, хочет освободить Пушкина от мифов. Но это без него давно — 73 года тому назад! — сделано и сделано прекрасно Валерием Брюсовым. В своей книге «Мой Пушкин» в первой же статье Брюсов пишет: «Нам трудно представить себе жизнь Пушкина, как человека, как знакомого, с которым встречаешься, здороваешься, разговариваешь. Его жизнь столько раз была предметом мертво-ученых изысканий, и мы так вчитались в эти изыскания, что

для нас Пушкин — какое-то отвлеченное, нарицательное слово, имя, объединяющее разные прославленные произведения, а не живое лицо. Между Пушкиным и нами поставлено слишком много увеличительных стекол — так много, что через них почти ничего не видно. Но слава Пушкина и значение его, столь же как позднейших исследователей, ослепляли и его современников, сверстников, писавших свои воспоминания о нем. В большинстве этих воспоминаний Пушкин тоже неживой, тоже отвлеченный. Приходится чутьем, вдохновением выбирать из рассказов и показаний современников, что в них верно до глубины и что только внешне верно — угадывать Пушкина».

И Брюсов прекрасно «угадывает» Пушкина, давая живой образ Пушкина и человека и поэта. Терц же вместо образа Пушкина невольно подает читателю свой собственный портрет — Абрама Терца — а уж никак не Пушкина. И вот тут, в смысле как пишет о Пушкине Терц, я думаю, он единственный во всей пушкинине.

«Искусство свято, — писала Марина Цветаева, — о святости искусства у атеиста речи быть не может, — он будет говорить либо о пользе искусства, либо о красоте искусства. Посему настаиваю, речь моя обращена исключительно к тем, для кого — Бог — грех — святость — есть». Мы согласны с Цветаевой — подлинное искусство — свято.

Я вас любил, любовь еще быть может
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит.
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим.
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Имя человека — то есть Пушкина — написавшего это стихотворение (и много другого на той же недостижимой лирической высоте) для меня — свято. Я согласен с тезисом Цветаевой. А вот что — как бы в ответ Цветаевой пишет Абрам Терц: — «Помимо религиозных эмоций в чистом искусстве есть привкус распуштства. Недержательная*) формула, примененная невзначай**) к Ахматовой: «барынька, мечущаяся между будуаром и моленной» — правильно определяет природу поэзии, поэзии вообще, как таковой, передает зыбкую сущность искусства в целом. К числу этих барынок принадлежала и Муза Пушкина».

Признаюсь, прочтя это, я внутренне не мог удержаться от очень крепкого слова на букву м.....! Но, конечно, в этой резкости я не прав. Я погорячился. Я беру это слово назад. Абрам Терц не м....., он всего навсего — советский хам хулиган. И в этом он не виноват. У подавляющего большинства людей бытие определяет сознание. И только у очень редких — сознание освобождается от бытия. Снявский не из таких. Раб Дубровлага восхитился тонкостью понимания искусства товарищем Ждановым. Это диктуете бытием и вполне нормально. А чего вы хотите? Чтоб он не восхитился? Но это было бы аномально. Вполне нормально, например, что в КЛЭ в статье о Николае Гумилеве Снявский сообщил, что «мечта Гумилева о 'подвиге' и 'геройстве' носила реакционный характер».

Это, конечно, идет от того же самого корня, что и: —

«Пушкин, Лермонтов, Некрасов
Трубадуры чуждых классов!»

Природу поэзии (и искусства вообще) А. А. Ахматова понимала не так, как Жданов и Терц. В своем «Слове о Пушкине» она писала: «Его дом стал святыней для всей его родины и более полной, более лучезарной победы свет не видел... Он победил и время и пространство».

Но может быть Ахматова и Цветаева поэзию просто не понимали? Во всяком случае профессор Сорбонны Терц утверждает, что Пушкин был просто напосто... Хлестаков! Терц пишет (сначала цитируя слова Хлестакова): — «Я признаюсь сам люблю иногда заумство-

*) Обратите внимание, как это «нежно» сказано! А почему? Р. Г.

**) Почему «невзначай»? Жданов прекрасно знал, что говорил, наверное даже показывал «хозяину», Сталину, «брульон» своего погромного выступления против Ахматовой и Зощенко, против даже тени свободы в литературе. А «профессор Сорбонны» Снявский это цитирует, с этим недвусмысленно соглашаясь! Р. Г.

ваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся... У меня легкость необыкновенная в мыслях». Но шутки в сторону, — кончив цитату, говорит Терц, — «налицо глубокое, далеко идущее сходство! Как это ни странно выглядит (!), «не если не ездить в Африку, не удаляться в историю, а искать прототип Пушкину поблизости, в современной ему среде, то лучший кандидатурой окажется Хлестаков. Человеческое alter ego поэта».

После столь оригинального проникновения Абрама Терца в личность Пушкина, мы уже знаем, что — «И всюду страсти роковые. И от судеб защиты нет!» или «И с отвращением читая жизнь мою (Я трепещу и проклинаю). И горько жалуюсь и горько слезы лью. (Но строк печальных не смываю)», и многое другое написал не Пушкин, а Иван Александрович Хлестаков. А вот бедный Александр Блок, пища свое знаменитое полупредсмертное стихотворение о Пушкине, не знал, что пишет о Хлестакове:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда

Вот зачем в часы заката
Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

И Тютчев не знал, что он пишет о Хлестакове:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет.

Я думаю, на кафедре в Сорбонне сам Терц — что-то вроде Хлестакова! Но оставим Хлестакова в покое. У Терца есть еще более глубокие проникновения в личность и творчество Пушкина. Например, он сравнивает его... с собакой. Конечно, не с дворнягой, не с кабысдохом, нет... с болонкой. С отменной стилистической элегантностью Терц пишет: — «Читая Пушкина, чувствуешь, что у него с женщинами союз, что он свой человек у женщин — притом в роли специалиста, вхожего в дом в любые часы, незаменимого, как портниха, парикмахер, массажистка (она же сводня, она же удачно гадает на картах), как модный доктор-невропатолог, ювелир или болонка (такая шустрая, в кудряшках)».

Читаешь это и думаешь: каким же надо быть охамленным пошляком, чтобы написать подобную развязно-разухабистую чепуху. И о ком? О Пушкине!

Писарев поносил Пушкина, но куда же ему до Абрама Терца. Писарев был человек общества, а не хулиган. Ну, что там Писарев писал? Ну, писал об Онегине, (а на деле пускал стрелы в Пушкина): — «Игру страстей он испытывал настолько, насколько эта игра входит в науку страсти нежной». О существовании других более сильных страстей — страстей направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия... Кто чувствует подобно Онегину, того, разумеется, тревожит призрак невозвратных дней, те-есть тех дней, когда случалось видеть вблизи ножки, ланиты, перси и разные другие подробности женского тела».

Тут присутствует резвость пера, но не хамство же! Терц на подобную тему пишет: «Ни у кого, вероятно, в формировании стиля в закручивании стиха не выполнял такой работы, как у Пушкина, слабый пол. Посвященные прелестницам бездельки находили в их слабости оправдание и поднимались в цене, наполняясь воздухом приятного и прибыльного циркулирования, (что это такое? я не понимаю этого смердяковского стиля, Р. Г.). Молодой поэт в амплуа довелася становится профессионалом. При даме он вроде как бы при деле... Кто же соблюдает серьезность с барышнями, один звук которых, (какой же это звук?! Р. Г.) тянет смеяться и вибрировать всеми членами, (что за «вибрирование всеми членами»?). Сам объект воспеваания располагал к легкомыслию и сообщал поэзии беззвучные движения («беззвучна движений»?! пошадите, профессор Терц!)... На тоненьких эротических пожатиях вбежал Пушкин в большую поэзию и пронзвал переполох...»

Тут мы вправе упрекнуть профессора Терца не только уж в исключительной пошлости стиля, но и просто в бесвкусовой графомании. Впрочем, чего же вы хотите? Соцзадача Терца стара-

престара, ее еще в 20 х годах выбросил, как лозунг, основоположник советского литературного хамства — Вл. Маяковский*): «а почему не атакован Пушкин?». Вот полублатной профессор — Пушкина и «атакует на все сто!» — не стыдись своего позора. Впрочем, на эдаком «геростратовом позоре» некоторые ведь и делают литературное имя.

Кто, например, помнит писателя Берви (Флеровского)? А ведь его оценка романа Л. Толстого «Война и мир» вошла в анналы русской истории литературы. О «Войне и мире» Берви (Флеровский) написал, что это не роман, а «рассказы пьяного унтера». И тем («держась за Толстого») Берви удержался хотя бы в памяти литературоведов. То же произошло с критиком Навалишиным. Его никто не помнит. Но Навалишин разнес в свое время «Анну Каренину», как ничемный «адюльтерный роман», и снисходительно добавил, что, слава Богу, у графа Толстого нет литературного таланта, а то бы «адюльтерный роман» мог быть и неприятнее. И этим Навалишин избежал забвения.

Кстати, в «Прогулках» «уничтожая Пушкина», Терц вслед за Берви и Навалишиным, — так, походя, пренебрежительно «заушил» и Льва Толстого. Охавывая огулом всю русскую литературу 19 века (чего с ней церемониться эдакому экстравагану?), Терц презрительно перечисляет эти «протоколы с тусклыми заглавиями «Бедные люди», «Мертвые души», «Обыкновенная история», «Скучная история»... Один артист не постеснялся свой роман так и назвать «Жизнь». Другой написал «Война и мир» (сразу вся война и весь мир!).

Остановимся на последней фразе. Она характеризует Терца Да, конечно, Толстой писал и о «войне» и о «мире». Но что значит — «сразу вся война» и «сразу весь мир»? Никакой такой «всей войны» нет, никогда не было и быть не может. А какой может быть — «сразу весь мир»? Что это такое? И почему — «сразу»? Терц пишет нагло, без всякой ответственности перед читателем, «как шло так и ехало», пусть едят. Но «геростратоз позор» и не требует большего. Слава Берви (Флеровского) и Навалишина не дает вероятно Снявскому спать. Держась за Пушкина и Терц хочет не оказаться забытым. Поможем ему. Отметим еще какие-нибудь «пёрлы» его мыслей и стиля.

У Марины Цветаевой в сборнике «Проза» есть дифирамбическая статья «Мой Пушкин». Статья, как всегда у Цветаевой, полна бескрайностей и безмерностей. Но — чудесная, как выкрик любви, как выкрик преклонения перед Пушкиным. Цветаева в ней пишет: «Пушкин был негр... От памятника Пушкина у меня и моя безумная любовь к черным, пронесенная через всю жизнь... В каждом негре я люблю Пушкина...». Это, конечно, чрезмерновато, но хорошо по своей любви.

О Пушкине-негре пишет и Терц: «Негр — это хорошо... Это уже абсолютно живой, мгновенно узнаваемый Пушкин... Безупречный пушкинский вкус избрал негра в соавторы, угадав, что черная обезьянообразная харя пойдет ему лучше ангельского личика Ленского...». Но разве у Пушкина была «обезьянообразная харя»? Пушкин был некрасив, у него были и африканские черты. Но — «обезьянообразная харя»? Об этом мы впервые узнаем от Терца. И вообще «обезьянообразная харя» не похожа ли она на черносотенную «жидовскую морду»? По-моему, похожа. По сути своей это то же самое.

Вспоминаю интересное происшествие. Я работал редактором на радиостанции «Свобода» в Нью Йорке. И вот однажды заметил среди сотрудников какое-то оживление, переговоры, смех. Оказывалось, кто-то в Объединенных Нациях записал на пленку частный разговор советского представителя Зорина. И в студии у нас пленку «проигрывали». Грубый хам, старый чекист, ставший «дипломатом» Зорин был тогда председателем какой-то комиссии и так как члены этой комиссии все не собирались, Зорин нетерпеливо говорил: — «Ну, где же эти чернокоже, гор! Возьмите... Послушайте, приведите же хоть одного чернокожего». Слово «чернокожие» Зорин произносил с тем хамским оттенком пренебрежения, будто едва удерживаясь, чтоб не сказать похуже, но очень грубое (чер-

*) О хамо-хулиганстве Маяковского см. «Воспоминания» И. Бунина и статьи Владислава Ходасевича.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

582. ПАДЕНИЕ Н. В. ПОДГОРНОГО. — НОВЫЕ ВЫДВИЖЕНЦЫ: — К. В. РУСАКОВ И Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ. — ВЫСТУПЛЕНИЕ БУКОВСКОГО. — НАВОДНЕНИЕ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ТОМИ. — БЕЗОРУЖНЫЙ «ПИРАТ». — ВИЗИТ А. Э. ЛЕВИТИНА-КРАСНОВА В ВАТИКАН.

24 го мая созван пленум ЦК КПСС для обсуждения проекта новой советской конституции на смену сталинской конституции 1936 года, пересмотр которой был решен еще на одном из пленумов в 1958 году.

Советологи недоумевали: почему этот пересмотр затянулся почти на два десятилетия? Одни предполагали, что пересмотру противится группа сталинцев в политбюро, другие думали, что большинство не согласны принять либеральные нововведения. Но стало известно, что Брежнев хочет провести одобрение этого нового проекта пленумом ЦК, чтоб внести его на рассмотрение Очередной Сессии Верховного Совета в середине июня с. г.

Однако на другой день последовало краткое сообщение, что **Н. В. Подгорный** выбыл из членов политбюро. Это краткое сообщение сделано в исключительно грубой форме. В свое время в октябре 1964 года было сообщено, что Хрущев покинул свой пост по расстроенному здоровью, чем старались показать, что он якобы сам просил о своем освобождении от обязанностей генерального секретаря. Но Подгорный исключен из политбюро без всякого упоминания о его согласии.

Сразу начались самые нелепые догадки западных советологов. Одни утверждали, что он не сумел обеспечить свержение правительства Заира, но это просто нелепо. Подгорный заставил Агостина Нето вторгнуться в Заир и не он виноват, что в защиту Заира выступил марокканский султан Гассан, войска которого были переброшены в Заир французской военной авиацией. Этого никто не предвидел, а потому нельзя в этом винить Подгорного. Другие утверждали, что он противился новой конституции, но опять-таки он мог остаться в меньшинстве и подчинился бы большинству с Брежневым во главе.

Наконец по своему возрасту 74-летний Подгорный не мог претендовать на пост Брежнева, (который на три года его моложе), в чем подозревали в свое время более молодого (на 12 лет) А. Н. Шелепина, который был вышблен из политбюро совместно с Д. С. Полянским.

Только через пять дней иностранным журналистам удалось по кусочкам узнать правду о том, что произошло 24 го мая. На заседании председательствовал Сулов, а с докладом о проекте новой конституции выступил Брежнев. После него в прениях первый секретарь Обкома Днепропетровска Б. В. Качур предложил установить порядок, согласно которому генеральный секретарь ЦК должен одновременно быть председателем президиума Верховного Совета, что формально в качестве главы государства по-

ставит его в один ранг с главами иностранных государств, с которыми он встречается. По существу это верно, ибо, например, во Владивостоке вел переговоры и подписывал соглашение с Фордом не глава государства Подгорный, а Брежнев, который является только одним из членов президиума ЦК.

Это предложение встречено громом аплодисментов, а Подгорный молча поднялся со своего места в президиуме, где сидели одни члены политбюро и перешел к рядовым членам ЦК. Сулов сразу поставил предложение Качуры на голосование и оно принято, как полагается, единогласно, против чего не протестовал сам Подгорный, который не счит возможным, как Хрущев, плакать, ссылаться на старость и просить себе хорошей пенсии. Так сходит на нет член политбюро и формальный глава государства, которому 16 го февраля минуло 74 года, состоящий в партии 47 лет и возглавляющий советское государство с 9-го ноября 1965 года!

Трудно сказать, насколько связаны с этим новые перемены в правящей партии советской верхушке?

Секретарь ЦК по контролю компартий стран-сателлитов **К. Ф. Катусhev** назначен постоянным представителем СССР в Совете Экономической Взаимопомощи, возможно, чтоб еще более подчинить экономикку этих стран советским интересам. Но неясно, остается ли он секретарем ЦК. На его место командовать компартиями «народных демократий» назначен любимец Брежнева **К. В. Русаков**, который всего на три года моложе своего шефа. Он родился в 1909 году в Ленинграде, где кончил в 1930 году Политехнический Институт, затем в Москве в продолжении 18-ти лет работал в министерстве рыбной промышленности. В 1943 году вступил в партию в возрасте 44 х лет, когда война ясно обнаружила перевес СССР над Германией. Потом 10 лет был первым заместителем министра рыбной промышленности. Почему то при Хрущеве перешел в министерство иностранных дел, где через 4 года назначен послом в Монголию. В Улан Баторе пробыл с 1962 по 1964 год. Затем отозван в ЦК, где стал первым заместителем завотделом, затем завотделом. В 1973 году Брежнев назначил его на новую должность «помощника генерального секретаря ЦК» по внутренним делам, как Агентова-Александрова по иностранным делам. Теперь сменяет Катусева по руководству компартиями стран-сателлитов. Является ли он секретарем ЦК?

Одновременно с Русаковым Брежнев выдвинул на руководящую роль первого секретаря ЦК Комсомола **Е. М. Тяжелникова**, который девять лет возглав-

но.....), как в Советском Союзе эти господа называют «нацменов».

Неужели и у Терца «обезьянообразная харя» вырвалась из зоринских источников? Перед «харей» Терца Цветаева бы онемела. Но это — разность культур, разность России.

Пойдем дальше. Посмотрим, что пишет Терц о трагической смерти Пушкина? Тут, перед трупом поэта, Терц уж наверняка снял шапку. Напрасное ожидание. Терц и тут хулиганствует и хамствует: — «Никто так глупо не швырялся жизнью, как Пушкин. Но кто еще эдаким дуриком входил в литературу? Он сам не заметил, как стал писателем, сосватанный дядюшкой под пьяную лавочку». Вот это стиль!! Прямохонько — из блатного барака Дубровлага! И далее, в том же стиле: — «Пушкин умер в согласии с программой своей жизни и мог бы сказать: мы квиты... мальчишка и погип по-мальчишески... колорит анекдота был выдержан до конца и ради пушского остроумия, что ли, Пушкина угораздило попасть в пуговицу. У рока есть чувство юмора...»

Сомневаюсь, чтобы у рока было чувство юмора. Хотя в случае Терца у судьбы, пожалуй, чувство юмора было. Покорный раб Дубровлага, вольноотпущенник КГБ, прямиком прыгнул на ка-

федрю Сорбонны... Но на Западе мы привыкли и не к такому юмору.

Смерть Пушкина, которого, по свидетельству современников, оплакивала вся Россия, Терц оригинально называет — «заключительный фортель». И в этой «заключительной фортели», в семейной драме Пушкина, Терца, собственно интересует одно: — «ну, а все-таки, положила руку на сердце, дала или не дала?». Конечно, Терц мог написать — «изменила или не изменила?». Но Терц умышленно берет хамское, проститутское слово. В советской литературе много примеров скотства. На этом примере Абрам Терц догоняет Демьяна Бедного.

Мне неприятно было писать об этой грязной, хулигано хамской и, в сущности своей, ничтожной книжке. Общее впечатление от «Прогулок» точнее всего можно выразить словами самого же Терца. Правда, словами совершенно омерзительными. Но, да простит мне читатель, из песни слова не выкинешь. В своей повестушке «Любимов» он в стиле «ультра модерн» — пишет: «Пердит, интриган, в рот». Именно этот смрад ошутит каждый читатель, если осилит «Прогулки» Абрама Терца.

РОМАН ГУЛЬ

«Новый Журнал»

ляет Комсомол. Он родился в 1928 году в Челябинске, где кончил Педагогический Институт, написал диссертацию по истории и семь лет преподавал в Институте. Вступив в 1957 году в партию — также довольно поздно в возрасте 29 лет, сразу назначен ректором этого Института. Через семь лет выбран первым секретарем Челябинского Обкома. Видно, отличился, ибо через 4 года вызван в Москву и на очередном съезде Комсомола выбран по предложению ЦК КПСС первым секретарем ЦК Комсомола, которым правит с 6-го июня 1968 года.

Теперь же Тяжелников перешел в ЦК КПСС заведывать Отделом Пропаганды и печати с подчинением его контролю министерства Культуры СССР. Ему Брежнев доверил пропаганду своего собственного величия

Напомню, что Ленин возглавлял правительством и ему подчинялись все партийные органы: политбюро и секретариат. Сталин же с 1940 года соединил руководство партией и правительством, оставляя формально во главе государства М. И. Калинин. Этот пост занимал постом Шверник, Ворошилов, сам Брежнев, который теперь будет возглавлять и ЦК партии и государство, что делают уже несколько лет в Румынии Чауческу и в Болгарии Живков. Портреты Подгорного везде исчезли и 30 го мая на аэродроме он уже не встречал Живкова, которого приветствовали Косыгин, Брежнев и Громыко. Иностранцев послов принимали на этой неделе заместители Подгорного председатель Верховного Совета РСФСР Яснов и его коллега от Казахстана Ниязбеков.

Владимир Константинович Буковский в беседе с итальянским журналистом жаловался на равнодушие западного мира, который не требует освобождения всех протестующих против бесчеловечной коммунистической диктатуры. Он сам считает себя морально победителем, ибо нашлись силы, которые настояли на его освобождении. Он сообщает о голодном режиме, который с 1975 года установлен в концлагерях, чтоб уморить непокорных: горячее блюдо через день и кусок ржаного хлеба в 450 грамм каждые три дня. Этот режим может продолжаться год и приводит к смерти от истощения. Но к нему он применялся трижды на коротких сроках, ибо боялись протестов Запада.

Теперь положение ухудшилось, ибо стихла волна протестов, которая пугает Брежнева. Но на предстоящей 15 июня Белградской конференции Брежнев рассчитывает еще раз обмануть доверчивый Запад, который мог бы добиться многого если бы не боялся, что СССР лишит его коммерческих выгод товарообмена. Сам Буковский надеется на свержение режима внутренними силами молодежи, которая в отличие от Запада не даст себя обмануть, ни запугать.

Брежнев не рискнет вернуться к ежовщине, при которой придется истреблять свое окружение, как сделал Сталин, ибо труслив и будет маневрировать, чтоб закончить свою мерзкую жизнь у власти среди титулов, которыми сам себя наградил. Коммунисты последовательно истребляли помещиков, кулаков, середняков, поработили крестьян и установили власть, которая эксплуатировала все слои населения.

«Если бы увидел Брежнева, предложил бы ему, чтоб он себя самого обменял на Пиночета: чилийцы бы пострадали, но русские были бы очень рады, ибо выиграла бы от такого обмена».

В годы после моей ссылки в Новокузнецк на протекающую между старым Кузнецком, основанным при Борисе Годунове, и возникшем в 1930 году вокруг гигантского металлургического Комбината Новокузнецком выстроена в верховьях многоводной, хоть и не широкой реки плотина. Видимо созданная при нем электростанция должна питать энергией промышленные предприятия, возникшие в Новокузнецке 21-го мая московская печать, как всегда, с опозданием сообщила, что после многодневных непрерывных дождей в ночь с 9 го на 10-ое мая волна высотой в пять метров прорвала плотину и устремилась на города по берегу Томи, начиная с Новокузнецка с его полумиллионным населением, затем Междуреченск со стотысячным населением (предполагаю, что так переименован в последние годы Прокопьевск) и Кемерово с четырьмястами тысячами жителей. Как всегда, печать молчит о количестве жертв, но говорит что залиты промышленные предприятия, т. е. Кузнецкий комбинат с восьмью домами, 30-ю марте-

новскими печами и прокатными цехами, как и множество промышленных предприятий двух других названных городов. Убытки, по данным «Советской России» исчисляются во много миллионов рублей.

«Труд» сообщает, что вода начала убывать, что постепенно освобождает затопленные заводы и жилые помещения. Надо думать, что начавшиеся в ночные часы наводненные застигли в постели большую часть населения, что увеличило число утонувших, застигнутых во сне. Как всегда, газета восхваляет героизм населения, борющегося против небывалой в многовековой истории Сибири катастрофы. Однако газета предупреждает, что возможно новое наводнение, ибо снова пошел дождь и жаркая температура ускоряет таяние снегов на горных вершинах Алтая, с которых вытекает Томь и ее первые горные притоки. Неясно, удалось ли уже заделать пробонну в плотине, которая была первопричиной наводнения.

24-го мая на шведском острове Готланде снизился летевший из Риги самолет с десятком пассажиров, встреченный в воздухе двумя шведскими истребителями. Сошли пилоты, бортпроводница и пассажиры, среди которых был 36-летний инженер из Риги.

Они поведали, что после отлета из Риги на Ленинград к бортпроводнице подошел этот инженер и просил передать пилоту, чтоб под пиджаком у него бомба большой мощности, которую он бросит на пол, если самолет не повернет на Швецию. Побледневшая девушка просила его сказать это самому пилоту. Однако он ответил, что не пойдет боясь, что оба пилота его разоружат, но наоборот через пять минут бросит бомбу в задней части самолета, если после ее разговора с пилотами самолет не изменит курс и если из кабины не выйдет она без второго пилота. Она передала его угрозу и самолет сразу изменил курс и полетел к Швеции, где его встретили два самолета береговой охраны. Шведам инженер объяснил через переводчика, что у него нет никакой бомбы, что подтвердил личный обыск. Затем был обскан весь самолет и нигде оружия не найдено. Он добавил, что накануне прилетел из Риги в Ленинград, чтоб точно установить возможность выполнения задуманного им плана. На другой день советский посол предъявил требования о возврате самолета и выдаче «пирата». Самолет, команда и пассажиры были сейчас же возвращены, но инженер просил политического убежища и переправлен в Стокгольм, где послу ответили, что нельзя считать пиратом безоружного человека, которого можно обвинить лишь в обмане бортпроводницы и напуганного пилота.

Около двух недель пробыл в Риме приехавший из Цюриха **Анатолий Эмилиевич Левитин-Краснов**, проживающий в Цюрихе; перейдя к нашей Церкви, он сейчас духовный сын о. протоиерея Александра Каргона. Он сын крещенного в детстве еврея, мирового судьи города Баку, родился в 1915 году и, учась в Ленинграде, при своей религиозности стал духовным сыном известного блестящего оратора и лидера обновленцев б. священника церкви Кавалергардского полка о. **Александра Введенского**, в 1922 году основавшего обновленческое движение, яркого врага патриарха Тихона и расстрелянного митрополита Венямина.

Он приехал в Рим, чтоб просить Ватикан заступиться за о. Дмитрия Дудко, о. Г. Якунина и еще двух церковных деятелей. Против них появилась угрожающая статья в «Литературной Газете», которая, по его мнению, продиктована из КГБ, как подготовка к их предстоящему аресту. Он дал много интересных данных о борьбе Введенского сначала против патриарха Тихона, затем против митрополита Сергея и Алексея, много рассказал о руководителе обновленчества архиепископе Сергее Ларине, впоследствии «покаявшегося», принятого в сан перомонаха, потом снова ставшего архиепископом и одно время епископом Берлинским, о курьезной фигуре Зернова, бывшего актера, потом нерарха, теперь на покое в храме на Ордынке. Мать самого Левитина была артисткой театра Гайдебурова.

Скоро должна выйти в Париже его книга «Лихие Годы», с многими данными об истории обновленчества, о столичных театрах и о религиозных кружках молодежи, в которых он участвовал, а также о его арестах.

В Риме он причащался в нашем храме. АЛЕКСЕЙ РОСТОВ